

УДК 398.22(=512.145)
DOI 10.25587/t5803-6156-2297-t

Л. Х. Мухаметзянова, К. М. Миннуллин, В. И. Рогачев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан

ВЗАИМОСВЯЗИ В ФОЛЬКЛОРНО-ЭПИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ТАТАР И МОРДВЫ-КАРАТАЕВ (на примере фольклорной лексики)

Аннотация. Статья посвящается изучению культурного феномена мордвы-каратаев на фоне их взаимосвязи с фольклорно-эпическим наследием татар. Авторы рассматривают богатое и многообразное фольклорно-эпическое наследие двух народов, населяющих современные территории Поволжья. Татароязычные мордва-каратаи и их культура представляют огромный интерес не только для лингвистов, но и привлекают пристальное внимание со стороны историков и фольклористов-эпосоведов. Интерес к изучению взаимосвязей татар и мордвы-каратаев в лиро-эпическом фольклоре определяется тем, что в народном творчестве каратаев хранятся отголоски тюркских и финно-угорских традиций, образуя своеобразный сплав в фольклорно-эпическом наследии. Углубленное изучение проблемы культурного взаимовлияния татар и мордвы-каратаев – безусловно, шаг к раскрытию неизвестных страниц в духовной жизни этих двух народов, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью исследования является выявление межэтнических связей в фольклорно-эпическом творчестве татар и мордвы-каратаев. Исходя из цели, в рамках настоящего исследования авторами изучены некоторые компоненты обрядовых и фольклорных комплексов, присутствующие в традиционной культуре мордвы-каратаев; были проведены параллели с тюркским, в частности татарским фольклором, в особенности – с эпическими традициями. В исследовании был использован лексический фонд, связанный с фольклором и обрядами мордвы-каратаев.

Предметом изучения авторов являются лиро-эпические тексты обрядового фольклора и эпического сказания, бытующие у татар и мордвы-каратаев. Бытование сюжетов тюркского, в частности татарского, эпоса в фольклоре каратаев – явление достаточно редкое. Однако встречающиеся в их фольклорной лексике мотивы, образы, детали тюркоязычных дастанов обращают на себя внимание со стороны исследователей, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для более углубленного изучения вопроса

МУХАМЕТЗЯНОВА Лилия Хатиповна – д. филол. н., доцент, г. н. с. отдела народного творчества обособленного структурного подразделения Академии наук Республики Татарстан «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова», Казань, Россия.

E-mail: lilmuhat@mail.ru

MUKHAMEDZIANOVA Liliia Khatipovna – Doctor of Philological Sciences, Asst. Prof., Senior Researcher, Department of Folk Art of a separate structural unit of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan “Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov”, Kazan, Russia.

E-mail: lilmuhat@mail.ru

МИННУЛЛИН Ким Мугаллимович – д. филол. н., проф., член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, директор обособленного структурного подразделения Академии наук Республики Татарстан «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова», Казань, Россия.

E-mail: minnullin.kim@yandex.ru

MINNULLIN Kim Mugallimovich – Doctor of Philological Sciences, Prof., Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director of a separate structural unit of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan “Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov”, Kazan, Russia.

E-mail: minnullin.kim@yandex.ru

РОГАЧЕВ Владимир Ильич – д. филол. н., проф. Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия.

E-mail: rogachev-v@bk.ru

ROGACHEV Vladimir Ilyich – Doctor of Philological Sciences, prof. Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evseev, Saransk, Russia.

E-mail: rogachev-v@bk.ru

в данном аспекте. Обнаруженные в лексике лиро-эпических текстов и устном народном творчестве обрядового фольклора мордвы-каратаев общего тюркского эпического пласта послужило для авторов основой для постановки проблемы взаимосвязи и взаимовлияния в фольклорно-эпическом наследии татар и мордвы-каратаев, что и составляет новизну данного исследования. Наличие в фольклоре мордвы-каратаев заимствований из древнеэпической тюркоязычной лексики авторы объясняют как результат длительного мощного культурно-исторического влияния.

Ключевые слова: эпос, мордва-каратаи, тюркский эпос, татарский эпос, культурные взаимосвязи, лиро-эпический жанр, фольклорно-эпическое наследие, этнический, фольклор, тюркоязычная лексика.

L. Kh. Mukhametzyanova, K. M. Minnullin, V. I. Rogachev

Relationships in the folklore-epic heritage between the Tatars and Mordovian Karatais: the case of folklore vocabulary

Abstract. The article is devoted to the study of the cultural phenomenon of the Mordovian Karatais against the background of their relationship with the folklore-epic heritage of the Tatars. The authors consider the rich and varied folk-epic heritage of the two ethnic groups inhabiting the modern territories of the Volga region. Tatar-speaking Mordovian Karatais and their culture are of great interest not only for linguists, but also attract close attention from historians and folklorists. Interest in the study of the relationship between Tatars and Mordovian Karatais in lyric-epic folklore is due to the fact that the echoes of the Turkic and Finno-Ugric traditions are preserved in the folk art of Karatais, forming a mixture in the folklore-epic heritage. An in-depth study of the problem of cultural mutual influence of Tatars and Mordovian Karatais is undoubtedly a step towards uncovering unknown pages in the spiritual life of these two peoples, which determines the relevance of this study.

The aim of the study is to identify interethnic ties in the folklore-epic creativity of the Tatars and Mordovian Karatais. Proceeding from the goal, within the framework of this study, the authors studied some components of ritual and folklore complexes present in the traditional culture of the Mordovian Karatais; parallels were drawn with Turkic, in particular Tatar folklore, especially with epic traditions. The study used the lexical fund associated with folklore and rituals of the Mordovian Karatais.

The subject of the study of the authors is the lyric-epic texts of the ritual folklore and epic legends that exist among the Tatars and Mordovian Karatais. The existence of the plots of the Turkic, in particular the Tatar, epic in the folklore of the Karatais is a rather rare phenomenon. However, the motifs, images, details of the Turkic-speaking dastans encountered in their folklore vocabulary attract the attention of researchers, which, in turn, creates favorable conditions for a more in-depth study of the issue in this aspect. The common Turkic epic layer found in the vocabulary of lyric-epic texts and oral folk art of the Mordovian Karatais ritual folklore served as the basis for the authors to pose the problem of interrelation and mutual influence in the folklore-epic heritage of the Tatars and Mordovian Karatais, which is the novelty of this study. The authors explain the presence of borrowings from the ancient epic Turkic-speaking vocabulary in the folklore of the Mordovians Karatais as the result of a long-term powerful cultural and historical influence.

Keywords: epic, Mordvian Karatais, Turkic epic, Tatar epic, cultural relationships, lyric-epic genre, folk-epic heritage, ethnic, folklore, Turkic vocabulary.

Введение

На территории Поволжья существует немало населенных пунктов, где проживают народы самых разных национальностей: татары, русские, мордва, чуваш, башкиры и др. На протяжении столетий представители этих народностей живут бок о бок в деревнях и сельских поселениях самого разного национального состава. Такое явление часто приводит к сложным процессам межэтнического взаимодействия, в результате которого возникают новые явления культурного масштаба. Примером тому может служить традиционная культура и фольклор этнографической группы мордвы-каратаев (далее в статье «мордва-каратаи» или «каратаи» используется в одном и том же значении), привлекающие к себе серьезное внимание историков, лингвистов, фольклористов и, в частности, эпосоведов.

Проживание мордвы-каратаев зафиксировано документами прошлых веков на территории Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Камско-Устьинский район Республики Татарстан), в селах: Мордовские Каратаи (Рождественское), Менситов Починок (Каратаи) и Шершалан (Малые Каратаи) и др. Каратаи были переселены из коренного региона на правый берег

Волги еще в XV в. казанскими ханами. Укоренившись в данной местности, они имели тесные контакты с татарами, в результате чего сменили свой язык на местный, однако сохранили при этом прежнее этническое самосознание [1, с. 1200–1201]. Диалектологи относят говор современных каратаев, проживающих на правом берегу Волги, к западному диалекту татарского языка. Существует версия о том, что предки каратаев входили в состав одной из этнических групп мордовского населения. Известно также, что предшествующие поколения татар издавна населяли территорию нынешней Мордовии. Проникновение тюркских племен на мордовские земли, начавшееся в I тысячелетии н. э., происходило на протяжении нескольких столетий [2, с. 186]. Данную точку зрения поддерживал и известный татарский языковед, доктор филологических наук Рифкат Ахметьянов. По мнению ученого, длительный контакт с татарами поддерживает тюркоязычность мордвы-каратаев [3, с. 55].

Взаимосвязи проживающих в Поволжском регионе татар и каратаев – тема не новая, с конца XX в. учеными Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, а также других научных центров Татарстана были изданы труды, в числе которых имеются статьи Л. Ш. Арсланова [4, с. 135–140], Р. Г. Ахметьянова [4, с. 39–57], Ф. С. Баязитовой [4, с. 105–135], Д. Б. Рамазановой [4, с. 58–76]. Эти и многие другие исследования касаются области лингвистики и диалектологии; в них в качестве предмета изучения был исследован язык мордвы-каратаев [4]. Проблема взаимосвязи татар и каратаев не осталась без внимания и со стороны мордовских ученых-филологов [5]. Вместе с тем, область устного народного творчества, в т. ч. эпосоведения, в плане сравнительного исследования взаимовлияний двух этнически разных культур, до сегодняшнего дня остается вне поля зрения. Наименее изученным разделом традиционной культуры каратаев является устное народное творчество. Каратаи, представляя мордовский тип, имеют весьма сложную духовную культуру, объединяя в себе эрзянские и мокшанские традиции, образуя при этом симбиоз двух культур. Из-за глубоких исторических связей с татарами данный этнос, по этногенезу, вероятно, относящийся к финно-волжской группе мордовской подгруппы, сменил язык на татарский, и это социально-историческое явление не могло не отразиться в фольклоре каратаев. Не только лексический фонд, но и многие формы проявления обрядности каратаев, широко отражающиеся в их лиро-эпическом фольклоре, очень часто восходят к древнетюркскому эпосу, доказательством чего являются записанные тексты дошедших до наших дней татарских вариантов того или иного эпоса или же эпических песен из дастанов. Сравнительное изучение лиро-эпических текстов каратаев и татар необходимо для выяснения общностей и различий и установки межэтнических связей в фольклорно-эпическом творчестве между этими генетически отличающимися друг от друга народов.

Сложные, не до конца решенные и требующие уточнения проблемы этногенеза каратаев находятся за пределами данного исследования; его целью является изучение культурного феномена каратаев на примере лексики фольклора татар и мордвы. Исходя из этого, предметом изучения являются лиро-эпические тексты обрядового фольклора и эпос-сказания, бытующие у татар и мордвы.

Терминология семейного быта в обрядах каратаев в сравнении с аналогичной лексикой, бытующей в среде татар и тюркском эпосе

Встречающаяся в обрядовом фольклоре каратаев терминология указывает на широкий круг персоналий, «обозначающий родственников по браку» [6, с. 63]: *килен* ‘невеста, сноха’, *оки килен* ‘молодуха’, *олы килен* ‘старшая сноха’, *карт килен* ‘самая старшая сноха’, *кияу* ‘жених, зять’, *ир* ‘муж’, *катын* ‘жена’, *кодаги*, *кодаш* ‘сваха’, *кыз юлдашлары* ‘проводжающие невесту в дом жениха’, *кыда катын* ‘крестная мать жениха’, *кайнана* ‘свекровь’ (каратайская невеста к ней обращалась «авай») [7]. Отца молодые называли *тэтэ*. Похожим словом – *тетяй* мордва-эрзя называет отца. Похожее значение слова *тэтэ* встречаем у сибирской этнической группы татар: «тэтэ – дедушка, отец отца или матери» [8, с. 622], хотя во многих говорах татарского языка *тэтэ* означает сестру старше себя по возрасту и является формой обращения к ней.

Подобную терминологию, встречающуюся в текстах обрядового фольклора каратаев, находим в дастанном эпосе татар начиная с древних героико-архаических сказаний вплоть до стадияльно поздних романтических (любовных) дастанов. В таких эпических сказаниях и книжном эпосе татар, как «Йиртушлек», «Ак Кубек», «Кузы Курпеч и Баянсылу», «Тулэк» и др.

с легкостью можно отметить наличие подобной лексики, встречающейся в лексике лиро-эпического фольклора мордвы-каратаев. «В среде татарского народа нашли широкое распространение классические поэмы о любви Меджнуна и Лейлы, Тахира и Зухры, Йусуфа и Зулейхи, Сайфулмулюка и Бадигельджамал и др.» [9, с. 44]. В них также отчетливо запечатлена аналогичная лексика, применяющаяся для обозначения родственных отношений между эпическими героями, особенно в тех эпизодах, где рассказывается о семейном быте героев. В таких эпических мотивах и мифологических сюжетах, как богатырское сватовство, необычное рождение батыра, прощание мужа со своей женой, языческие представления мира и т. д., употребляемая лексика полностью совпадает с вышеупомянутой терминологией у каратаев: *килен* ‘невеста, сноха’, *олы килен* ‘старшая сноха’, *карт килен* ‘самая старшая сноха’, *кию* ‘жених, зять’, *ир* ‘муж’, *катын* ‘жена’, *кайнана* ‘свекровь’, *кыз юлдашлары* и т. д.

Наряду с лексикой, обозначающей родителей жениха и невесты, в свадебный и послесвадебный период использовалась терминология, обозначающая сестер и братьев мужа. Например: *акли* ‘старшая сестра мужа, жена старшего брата’ (на мокшанском языке *акля* – жена младшего брата свекра, старшая золовка), *авани* ‘младшая сестра мужа’ (для сравнения на языке эрзя: *авне* – младшая золовка). С установлением внутрисемейных контактов (женитьба, замужество) в лексикон включались новые слова, такие как *пэндэрвэ* ‘сношельница’, *аля* ‘старший брат мужа’ (для сравнения на мокшанском языке: *аля* – отец, мужчина), *мазнач* ‘самый старший из младших братьев мужа’, *кычач* ‘следующий младший брат мужа’, *кифтай* ‘младший брат мужа’ (для сравнения на языке эрзя: *кефта* – деверь, младший брат мужа). Известно, что терминология родства у мордвы-каратаев формировалась под влиянием этнических контактов, и в ней выделяются как мордовская лексическая группа, так и тюркские заимствования, среди которых самым значительным пластом является татарский.

В старину инициаторами создания брачных союзов у каратаев, как и у мордвы, были родители. Они выбирали девушку для сына из хорошей семьи, следили за тем, чтобы не оказаться в кровном родстве с ее родом [10]. Местами знакомств парней и девушек были молодежные праздники, игрища, которые проводились на берегу Идель-Волги, рядом с часовней Михаила Убиенного, считавшегося покровителем села Мордовские Каратаи. По воспоминаниям старожилов, около реки была расположена специальная поляна площадью в несколько гектаров – *кызлар уни тырган тэш* (букв. с татарского *кызлар уйный торган тэш* ‘место игр девиц’). Это – девичье игральное место для хороводов, куда собиралась молодежь из села Мордовские Каратаи, а на большие праздники подъезжали даже из Шершаланана и Заовражных Каратаев [11]. Жители, несмотря на отдаленность населенных пунктов, общались между собой, женили сыновей и выдавали дочерей за представителей соседних каратаевских деревень. Во время праздников здесь водили хороводы, пели обрядовые песни, частушки, плясали, играли в догонялки. Парни присматривались к девушкам, назначали им свидания. Присутствовавшие на празднике взрослые получали возможность приглядеться к своим будущим снохам, оценить их достоинства, заметить недостатки.

Атмосфера праздника способствовала сближению парней и девушек, поэтому в ходе подобных праздников происходило знакомство и формирование будущих брачных пар. Этим мордво-каратаи мало отличались от окружающих их татар, русских и мордвы коренного региона.

В обрядах и фольклоре каратаев бытовали мифологические представления, заимствованные у татар. Например, они верили, что волосы людей связываются на небесах: если Всевышний свяжет волосы парня и девушки, то они непременно поженятся, а если не сделает этого, то никто не поможет – даже любящие друг друга соединиться не смогут:

*Башлары эйлэнмэсэ,
Алам, дисэ дэ аламый,
Чэчлэре бэйлэнмэсэ* [12].

Не сможет взять (замуж),
Если волосы [наши] не сплетутся,
Даже если скажет: женюсь [пер. наш]¹.

¹ Здесь и далее перевод автора.

Сравним вышеприведенные из обрядового фольклора каратаев поэтические строки с присутствующей в татарском эпосе эпической песней главного героя одного из вариантов древнетюркского эпоса «Кузы Курпеч и Баян Сылу»:

*Күк күгәрчен күктә уйный, башлары
әйләнмәсә,
Сөешсәң дә каушып булмый, чәчләре
бәйләнмәсә [13].*

Сизый голубь парит в небе, лишь бы
не вскружилась голова,
Возлюбленным вместе не быть,
пока волосы их не сплетутся.

Вышеприведенные строки подтверждают заимствование мордвы-каратаями выражения «сплетения волос возлюбленных» из тюркского лексического пласта. Во времена империи гуннов в тюркских племенах юноши носили своеобразную прическу – *какул* [14, с. 367]. В области темени у тюркского юноши свисали на плечи заплетенные тонкой косой волосы, специально оставленные не бритыми. Во время обряда бракосочетания совершалось магическое действие: *какул* жениха привязали к косам невесты, что предвещало будущую крепкую семью. Идиома *чәчләр чәчкә бәйләну* ‘сплетение волос’, встречающаяся как у татар, так и у каратаев, своими корнями восходит к древнему мифологическому фонду, она представлена еще в языке хунну (III в. до н. э.) [15, с. 500]. Согласно древним представлениям тюрко-монгольских, китайских племен, волосы невидимой нитью доходят до божественного начала Тенгре, распоряжающегося судьбами людей. Только Тенгре вправе решать, чьи волосы соединить воедино. Если верховное божество Тенгре свяжет *какул* мужчины с волосами женщины, то им суждено быть вместе, если же в небесах этого не произошло, это означает, что эти мужчина и женщина не созданы друг для друга [16, с. 427]. Таким образом, помимо тождественности в лексическом значении и идентичного произношения, выражение каратаев *чәчләре чәчкә бәйләну* имеет общие с тюркскими народами более древние этимологические корни.

Култ воды в обрядовом фольклоре мордвы-каратаев и в тюркском эпосе

Структура обрядов мордвы-каратаев вобрала в себя многие элементы обрядности мордвы, татар и русских. Она представляет собой своего рода синтез традиций, обычаев, фольклора указанных народов. Так, у каратаев весьма примечательным и своеобразным является обряд бани. По сложившимся канонам, в завершение ритуала следует благодарить духов-покровителей бани «за то, что не пугали, не мешали мыться серебряной водой» (*куркытмадыгыз, юынырга комачауламадыгыз, көмеш су белән юындырдыгыз*). Покровители бани в каратаевском фольклоре представляются как «отец и мать бани». В дар им оставлялась золотая или серебряная монета, в 20–30-е гг. XX в. – простая денежка [17].

Ритуал каратаев мало чем отличался от татарской бани (*татар мунчасы*). В татарском мифологическом сказании «Старушка-пэри Изурчык» («Жен карчыгы Изурчык»), записанном у татар Тюменской области, подробно описана вышеупомянутая сцена выражения благодарности духам бани [18]. В отличие от обычая у каратайцев, здесь покровителем бани выступает не «отец и мать бани», а *мунца куча* или *мунца иясе* (букв. ‘хозяин бани’): *Кече эби тәхәрәтен алып бетте, бу сүзләренә әйтеп, мунча ишеген каты япты: – Тимәдегез, тавышланмадыгыз, сүзегез булмады, көмеш суны буямагыз* [18] ‘Кече бабушка («кече» – букв. – «малая»; здесь: намек на маленький рост женщины) после омовения плотно прикрыла дверь бани со словами: – Не трогали, не шумели, молчали, не пачкайте же серебряную воду’ [пер. наш].

А в предбаннике Кече эби оставила в подарок для *мунца иясе* кусок белого хлеба *ак күмәч*. У сибирских татар также есть обычай благодарить *мунца куча* или же *мунца иясе*, но до посещения бани, повесив для него отдельные мочалку и полотенце, чтобы он мог помыться до прихода людей в баню. Также они приветствуют его при входе в баню и прощаются при выходе [19, с. 404].

Подобным же образом у татар-мишарей проводился обряд *кәләш мунчасы* (баня невесты). В благодарность покровительнице бани девушка оставляла на каменке медный перстень *бакыр балдак* [20, с. 72–74]. Вероятно, обычай подносить деньги, полотенца или гостинец был заимствован каратаями у татар. Тюркским народам Поволжья – татарам, чувашам свойственно использование серебряных и золотых монет различного достоинства в ходе разных *меджлисов* (*меджлис* – пиршество).

Близок по своему характеру к этому и другой обряд. У каратаев еще в 20–30-е гг. XX в. можно было наблюдать культ поклонения покровительнице воды – *су юлы кюрэту* («показ молодой невесте дороги к источнику»). В селах каратаев сохранился обряд шествия к источнику, сопровождающийся просьбами к хранительнице воды быть милостивой и ниспослать детей [21]. В языческих представлениях мордвы Ведь-ава, на протяжении длительного времени являясь объектом поклонения, была покровительницей воды, плодородия и деторождения. У лямбирских, темниковских, сергачских татар-мишарей Мордовии и Нижегородской области также существовал древний культ поклонения духу-хозяину воды *су иясе*, которому стремились принести искупительную жертву в виде лепешки, соли, крупы, а иногда и целого круглого хлеба. Татары Поволжья (казанские татары) и западносибирские татары подразделяют *су иясе* на *су бабасы* и *су анасы* – в мужском и женском роде соответственно [15, с. 474]. В вариантах книжного дастана «Тулек» («Түлэк»), найденных на территории Поволжья, сохранились древние представления татар, согласно которым *су иясе* со своей семьей живет глубоко под водой, и он очень богат. В эпосе главный герой Тулек на берегу большой реки (*дарья*), увидев красавицу Су кызы (ее звали Сусылу, что буквально с татарского переводится: *су* – вода, *сылу* – стройная), влюбляется в нее:

*Сәфәр кылдык йөз кеше,
Жөгән суйды өч кеше,
Атым калды ярышып,
Кулым килде карышып,
Атың-юлың белмимен,
Атың әйтче, Сусылу!* [22, с. 125].

Вышли мы, сто человек, в путь,
Трое сняли уздечку,
Конь несся, не зная куда,
Руками сдерживал его [как мог],
Неведомо мне, кто ты?
Скажи имя своё, Сусылу!

Далее Тулек попадает в чертоги Су иясе и живет там с пленившей его на берегу прекрасной дочерью. Однако со временем вспоминает свою родную землю и т. д.

Таким образом, культ воды, широко распространенный в тюрко-татарском эпосе и обрядах, полностью перекочевал в культуру мордвы-каратаев и раскрылся в своем новом содержании и очертаниях.

Культ предков в тюркском эпосе и традиционной культуре мордвы-каратаев

Среди обрядов каратаев особо выделяется культ предков, которым те поклонялись в особые поминальные дни. Поминки могли продолжаться несколько дней, а иногда и неделю [23]. В их завершение устраивалось жертвоприношение у задних ворот двора. Это также находит отражение в обрядовом фольклоре. Накануне свадьбы невеста молилась и подносила дары предкам. Очень схожие обряды встречались у мордвы-эрзи и мокши, а также у мордвы-терюхан.

Почитание родителей широко распространено и в тюркском эпосе. В известном тюркском героическом дастане о Чура батыре после путешествия на Волгу главный герой возвращается на родину – в Крым. В дальнейшем развитии сюжета встречаемся с эпизодом конфликта родителей героя с Гали-бием. Во время отсутствия героя притеснение врагом родителей – характерный сюжет для эпоса алтайского, ногайского, казахского, киргизского, узбекского народов [24, с. 198–199].

В эпосе «Чура-батыр» центральное внимание уделено сюжетам нашествия и завоеваний, покорения сильными племенами слабых. После своего возвращения в Крым из слов отца Нарыка Чура-батыр узнает про то, что «из Акташа пришел Гали-бек, зарезал самую лучшую овцу, которую сам Нарык оставлял для особого случая, забрал любимого коня Нарыка Карагирия, избил старца, оскорбил мать Чуры-батыра Минсылу, и ушел» [25, с. 113–114]. Услышав это, Чура в ярости поспешил за Гали-бием, не успокоился до тех пор, пока не отомстил за своих родителей. Догнав Гали-бея, Чура отобрал у него коня, а самого обидчика заколол своим мечом. Данный эпизод из тюркского историко-героического эпоса также служит образцом почитания родителей и свидетельствует о более глубоких корнях культа предков, широко распространенного у разных народов.

Плач и стелания в обрядовом фольклоре мордвы-каратаев и татар и их отражение в тюркском героическом эпосе

У мордвы-каратаев широкое распространение получили свадебные причитания – *джэши киленне джылату* (на литературном татарском языке: *яшь киленне елату*). В вербальной части обычая, наряду с татарскими, встречаются мордовские слова: *пиже* ‘молодая’, *мазы* ‘красивая’, *дугам* ‘сестрица’, *лялякай* ‘братец’, *выраж* – от фонетически переименованного морд. *уряж* ‘сноха, жена брата’. Использование русизмов здесь ограничено словом *пачиба* ‘спасибо’. Вслед за благодарностью из уст невесты звучат пожелания богатства, изобилия: «Где я сидела, где я вышивала, там пусть вместо меня золотой столб вырастет» [26].

Каратайские плачи и стенания имели несущественные отличия от плачей, исполняемых мордвой коренного региона, где невеста сама начинала и продолжала причитания, подруги, иногда замужняя женщина, лишь помогали ей. Здесь же *джэши килен джылатучи* (посаженная мать), требующая выполнения обряда, своими жалобными песнями заставляла плакать невесту. Искренностью выражения чувств отличались причитания каратайской невесты при расставании с родительским домом, исполняемые на татарском языке:

*Пиже дуга, мажи дуга,
Ака киләләр канымы эчәргә,
Ака киләләр башымы ашарга* [27, с. 116].

Молоденькая сестрица, красивая сестрица,
Придут, чтобы кровь мою испить,
Придут и голову мою погубят.

Вероятно, появление персонажа, исполняющего жалобные песни для невесты перед ее замужеством, было как в рамках финно-угорской, так и тюркской (татарской) свадебных культур. У соседних с каратаями лямбирских татар Мордовии, а также во многих других регионах, где проживают татары, до настоящего времени бытует выражение *кыз елату* ‘заставлять плакать невесту’. Доведение до слез невесты и причитания перед *никяхом*, т. е. бракосочетанием, является неотъемлемой частью татарской свадьбы. Причитания невесты в свадебном обряде татар были связаны с прощанием с девичеством и родительским домом:

*Өстемдәге кизеле күлмәгемнәң
Итәгенә комач бәйләдем.
Балки бу хәлләрне күрмәс идем,
Юкка олан чакта үлмәдем* [4, с. 57].

К подолу льняного платья, что на мне
Я пришила ластовицы из кумача.
Может и не испытала бы всего этого,
Если бы умерла еще в детстве.

В связи с переменами, происходившими в общественной жизни, что находило отражение и в семейном укладе, плачи-*сыктау* претерпевали изменения. Местами сохранился обычай причитаний невесты на девичнике накануне *никяха*; существуют варианты плача невесты, когда её наряжают подруги перед свадебным меджлисом, исполняя при этом жалостливые песни. Приглашенные *елатучылар* поют грустные песни, подбирая слова таким образом, чтобы затронуть глубинные струны души невесты:

*Аран алдыннан кош уза,
Уң аягында кургашын.
Сокланмагыз, дуслар, бай кәләшкә,
Ян кунардай булсын юлдашың* [4, с. 107].

Пролетает птица перед сараем,
К правой лапке ее подвязан свинец.
Не соблазняйте, друзья, богатством
невесты,
Пусть спутник жизни будет надежным.

Генетическое родство свадебных причитаний каратаев и татар проявляется и в заключительных эпизодах обрядов, где невеста благодарит хранительницу дома за покой и уют родного очага, а также прощается с родной улицей. Татарский обряд *кыз елату йоласы* (принуждения девушку плакать перед собственной свадьбой) своими корнями уходит в глубь минувших столетий, когда жизнь девушки после замужества представлялась в мрачных тонах, а порой даже уподоблялась смерти.

Свадебные причитания у каратаев *джэши килен джылату* и *кыз елату* у татар интонационно близки к монологам плача и стенаний в тюркском эпосе. Как известно, в тюркском героическом эпосе сценам прощания и эпизодам плача уделено значительное место. Причитания, как

правило, исполняются женами и матерями героя. Например, в ногайских дастанах «Мамай», «Кобланлы батыр», «Айсул улы Ахмат», «Адел солтан», «Елкилдек батыр», «Эр Кусеп» и др. встречаются монологи плача и стенаний в связи со смертью героя: Карлыгаш исполняет плачевную песнь после смерти мужа Копланлы, Дана-бике – после смерти хана Адела, сказитель – после смерти Мамай, Акманлай – после смерти мужа Кюсепа. В героическом эпосе плач выражает горе человека, потерявшего своего защитника или близкого. В качестве яркого примера типичной картины плача в тюркском эпосе можно привести плач матери Минсылу после гибели сына из дастана, посвященного Чуре-батыру:

*Ай, ай, көнем, ай, көнем,
Жаным, бәгърем, Чура улым,
Суга баткан, бел, улым.
Кайгылар, сөнечләрең
Истән китмәс үк булдың,
Инде нәрсә итәем?
Баласы үлгән дөядәй,
Бызлый-бызлый китәем* [28, с. 63].

Ах, мои дни, мои дни,
Душа моя, кровинушка, сынок Чура,
Знайте: утонул он в воде.
И радости, и горести, связанные с тобой,
Никогда меня не покинут,
Что мне еще сказать?
Я словно верблюдица, потерявшая детеныша,
Ухожу, стенаю.

Как известно, в ногайских, казахских, крымско-татарских версиях дастана о Чуре-батыре подобные монологи представляют собой формульные выражения, несколько раз повторяющиеся в тексте [29, с. 21].

Плачи и стенания в фольклоре и каратаев, и тюркских народов являются одним из устойчивых приемов в раскрытии внутреннего мира и душевного состояния героя. Они занимают большое место в эпических произведениях тюрков и несут смысловую, идейную и художественную нагрузку. Помимо всего прочего, плач оказывал большое эмоциональное воздействие и на слушающую публику.

Заключение

Итак, рассмотренные в исследовании проблемы позволяют сделать вывод о том, что мордво-каратайская традиционная культура в своем формировании и историческом развитии тесно переплелась с тюрко-татарской историей и этнокультурой, став частью отечественной фольклористики в поволжском регионе Российской Федерации. Анализ значительного числа фольклорных и традиционно-эпических материалов обнаруживает контактную близость в традиционной культуре татар и мордвы-каратаев.

Обрядовая поэтическая структура каратаев, безусловно, испытала на себе сильное влияние со стороны традиционной татарской культуры, которое проявилось не только в трансформации языка, но и в плане обогащения ее внутреннего содержания за счет новых эпических образов, идиом, ярких неповторимых эпизодов. Это влияние, несомненно, имеет давнюю историческую основу и общественно-социальные корни.

Эпос служит более отличительным признаком, свидетельствующим о генном родстве. Он является своего рода лакмусовой бумагой, отражающей умонастроения, изменения в общественном сознании того или иного народа. На примере фольклора мордвы-каратаев отчетливо видно, что кочующие мотивы тюркского эпоса в фольклоре каратаев внедрились таким образом, что их лексика хорошо сохранила мотивы, обряды, обычаи, а также события из народной жизни татар. В распространении эпических произведений проявляется доминирование родового, племенного или историко-этнического фактора. В данном случае авторы обнаруживают распространение не цельного эпоса, а передачу эпического видения мира целым народом, которое отражается и в фольклорной лексике.

Изучение особенностей распространения эпоса и эпических мотивов, в свою очередь, представляется важной и актуальной задачей в том плане, что обнаруживает ряд возможностей для исследования проблем, касающихся истории и культуры родственных или же неродственных соседних народов. В этом плане данное исследование может служить подспорьем для новых изысканий и открытий в области гуманитарных наук.

Литература

1. Кеппен П. Каратаи – мордовское колено // Санкт-Петербургские ведомости. – 1845. – № 268. – С. 1200–1201.
2. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации. Справочник / отв. ред. Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. – Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. – 336 с.
3. Ахметьянов Р. Г. Лексика говора мордвы-каратаев в сравнительном освещении // Мордва-каратаи : язык и фольклор. – Казань : Академия наук, 1991. – С. 39–57.
4. Мордва-каратаи : язык и фольклор / под ред. М. З. Закиева и др. – Казань : Академия наук, 1991. – 156 с.
5. Рогачев В. И., Налдеева О. И. К вопросу об этнокультурном взаимодействии мордовского и татарского народов (на материале фольклора) // Tatarica. – 2017. – № 8. – С. 42–62.
6. Миннуллин К. М. Песня как искусство слова : автореф. дис. ... д. филол. н. – Казань, 2001. – 70 с.
7. Каратайская свадьба / Записано со слов Празднщины Веры Андреевны 1931 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
8. Татар теленең зур диалектологик сүзлегә / төз. Баязитова Ф. С., Рамазанова З. Р., Хәйретдинова Т. Х. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 с. (На татарском яз.)
9. Хасавнех А. А. Поэма Ахметзяна Тубыли «Повествование о незабываемом Фархаде и его возлюбленной Ширин» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 3 (19). – С. 42–54. – DOI : 10.25587/n0943-3187-1950-g.
10. Порядок сватовства / Записано со слов Балякаева Андрея Григорьевича 1930 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
11. Игры девиц. Хороводы / Записано со слов Кудаловой Анисьи Петровны 1930 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
12. Свадебные причитания у каратаев / Записано со слов Глониной Лидии Андреевны 1940 г. р., руководителя фольклорного ансамбля «Каратаи» в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
13. Кузы Көрпәч белән Баян Сылу // Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНРТ. – Фольклорный фонд, колл. 90, папка 2, ед. хр. 19. (На татарском яз.)
14. Мәхмүтов Х. Гыйбарәләр тарихыннан сәхифәләр (этимологик эзләнүләр). – Казан : Татар. кит. нәшр, 2008. – 563 с. (На татарском яз.)
15. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
16. Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә. Ике томда. Т. 2. – Казан : Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 с. (На татарском яз.)
17. Отец и мать бани / Записано со слов Балякаевой Анны Андреевны 1931 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
18. Жән карчыгы Изурчык. Старушка-пәри Изурчык / Записано со слов Авазбековой Мадины Халимовны 1974 г. р. в с. Казанлы Вагаевского района Тюменской области в 2002 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На татар. яз.)
19. Баязитова Ф. С. Себер ареалы диалектларында этнокультура лексикасы (йола һәм мифология текстлары яссалыгында) – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2010. – 736 с. (На татарском яз.)
20. Давлетшина Л. Х. К вопросу употребления религиозной лексики в заговорно-заклинательной традиции татар // Тюркское языкознание XXI века : лексикология и лексикография : материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. – Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2019. – С. 72–74.

21. Шествие к источнику у каратаев / Записано со слов Праздницей Веры Андреевны 1931 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
22. Түләк // Татар халык ижаты. Дастаннар / төз. Әхмәтова Ф. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1984. – С. 123–135. (На татарском яз.)
23. Поминки у каратаев / Записано со слов Балякаева Андрея Григорьевича 1930 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
24. Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос : книжные дастаны. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. – 380 с.
25. Чура батыр хикәйте // Татар халык ижаты. Дастаннар / төз. Ф. В. Әхмәтова. – Казан : Татар кит. нәшр, 1984. – С. 108–119. (На татарском яз.)
26. Благие пожелания в обрядах каратаев / Записано со слов Балякаевой Анны Андреевны 1931 г. р. в с. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Республики Татарстан в 2004 г. // Личный архив полевых материалов К. М. Миннуллина, Л. Х. Мухаметзяновой, В. И. Рогачева. (На мордва-каратайском яз.)
27. Баязитова Ф. С. Этнолингвистические материалы к реконструкции древних традиционных обрядов мордвы-каратаев // Мордва-каратаи : язык и фольклор. – Казань : Академия наук, 1991. – С. 105–135.
28. Чура батыр. Татар халык дастаны / Төз. Ф. Латыффи. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1993. – 64 б. (На татарском яз.)
29. Ибрагимова Л. Х. Дастан «Чура батыр» в творчестве тюркских народов : автореф. дис. ... к. филол. н. – Казань, 2000. – 26 с.

References

1. Keppen P. Karatai – Mordovian generation. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1845, No. 268, pp. 1200–1201. (In Russ.)
2. Regions of compact residence of Tatars in the Russian Federation. Directory. Ed. L. M. Aynutdinova, B. L. Hamidullin. Kazan, Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the AS RT Publ., 2016, 336 p. (In Russ.)
3. Akhmetyanov R. G. Vocabulary of the dialect of Mordovian Karatais in comparative coverage. In: *Mordovian Karatais: language and folklore*. Kazan, Academy of Sciences Publ., 1991, pp. 39–57. (In Russ.)
4. *Mordovian Karatais: language and folklore*. Ed. M. Z. Zakiev, etc. Kazan, Academy of Sciences Publ., 1991, 156 p. (In Russ.)
5. Rogachev V. I., Naldeeve O. I. On the issue of ethnocultural interaction of the Mordovian and Tatar peoples (based on folklore). *Tatarica*. 2017, No. 8, pp. 42–62. (In Russ.)
6. Minnullin K. M. Song as the art of word. Abstract of the dissertation of Doctor of Philological Sciences. Kazan, 2001, 70 p. (In Russ.)
7. Karatay wedding. Recorded from Prazdnina Vera Andreevna (born in 1931) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: *Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev*. (In Mordva-Karatai)
8. Comprehensive dialectological dictionary of the Tatar language. Comp. F. S. Bayazitova, Z. R. Ramazanova, T. Kh. Khairtdinova. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2009, 839 p. (In Tatar)
9. Khasavneh A. A. Poem by Akhmetzyan Tubyl “The Story of the Unforgettable Farhad and His Beloved Shirin”. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, No. 3 (19), pp. 42–54. DOI: 10.25587/n0943-3187-1950-g. (In Russ.)
10. Matchmaking procedure. Recorded from Balyakayev Andrei Grigorievich (born in 1930) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: *Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev*. (In Mordva-Karatai)
11. Girls’ games. Round dances. Recorded from Kudalova Anisya Petrovna (born in 1930) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: *Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev*. (In Mordva-Karatai)
12. Wedding lamentations from the Karatai. Recorded from Glonina Lydia Andreevna (born in 1940), is head of the Karatai folklore ensemble in the village, in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic

- of Tatarstan in 2004. In: Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev. (In Mordva-Karatai)
13. Kuzy Kurpech and Bayan Sylu. In: Archive of the Center for Written and Musical Heritage of the G. Ibragimov ILLA AS RT. Folklore fund, coll. 90, folder 2, storage unit 19. (In Tatar)
14. Makhmutov Kh. Deep into proverbs and sayings. Etymological research. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2008, 563 p. (In Tatar)
15. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2. Ed. S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992, 719 p. (In Russ.)
16. Akhmetyanov R. G. Etymological dictionary of the Tatar language. In 2 volumes. Vol. 2. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, 567 p. (In Tatar)
17. Father and mother bath. Recorded from Balyakayeva Anna Andreevna (born in 1931) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev. (In Mordva-Karatai)
18. Old witch Izurchyk. Recorded from Avazbekova Madina Khalimovna (born in 1974) in Kazanly of the Vagay district of Tyumen region in 2002. In: Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev. (In Tatar)
19. Bayazitova F. S. Ethnocultural vocabulary in the Tatar dialects of the Siberian area (in the context of ritual and mythological texts). Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the AS RT Publ., 2010, 736 p. (In Tatar)
20. Davletshina L. Kh. On the question of the use of religious vocabulary in the conspiracy-incantatory tradition of the Tatars. In: Turkic linguistics of the XXI century: lexicology and lexicography: materials of the International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the establishment of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 2019, pp 72–74. (In Russ.)
21. Procession to the source of the Karatais. Recorded from Prazdnina Vera Andreevna (born in 1931) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev. (In Mordva-Karatai)
22. Tulek. In: Tatar folk art. Dastans. Comp. Akhmetova F. V. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1984, pp. 123–135. (In Tatar)
23. Commemoration at the Karatais. Recorded from Balyakayev Andrei Grigorievich (born in 1930) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev. (In Mordva-Karatai)
24. Mukhametzyanova L. Kh. Tatar epic: book Dastans. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the AS RT Publ., 2014, 380 p. (In Russ.)
25. Epic about Chura-batyr. In: Tatar folk art. Dastans. Comp. F. V. Akhmetova. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1984, pp. 108–119. (In Tatar)
26. Good wishes in Karatais rituals. Recorded from Balyakayeva Anna Andreevna (born in 1931) in Mordovian Karatais of the Kamsko-Ustie district of the Republic of Tatarstan in 2004. In: Personal archive of field materials of K. M. Minnullin, L. Kh. Mukhametzyanova, V. I. Rogachev. (In Mordva-Karatai)
27. Bayazitova F. S. Ethnolinguistic materials for the reconstruction of the ancient traditional rituals of the Mordovian Karatais. In: Mordovian Karatais: language and folklore. Kazan, Academy of Sciences Publ., 1991, pp. 105–135. (In Russ.)
28. Chura batyr. Epic of the Tatar people. Comp. Latifi F. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1993, 64 p. (In Tatar)
29. Ibragimova L. Kh. Dastan “Chura batyr” in the creativity of the Turkic peoples. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2000, 26 p. (In Russ.)